

Обзоры и рецензии

Дмитрий Рублёв

Рец. на: В.Я. Гросул. Труды по теории истории. М.: АИРО–XXI, 2014. 548 с.

Dmitriy Rublev

(Russian Timiryazev State Agrarian University, Moscow)

Rec. ad op.: V.Ya. Grosul. Trudy po teorii istorii. Moscow, 2014

В рецензируемый сборник вошли статьи В.Я. Гросула, посвящённые проблемам экономической, социальной и политической истории России и стран Юго-Восточной Европы. Владислав Якимович Гросул – выдающийся историк, публицист и общественный деятель. Тематика его исследований весьма широка. Её иллюстрирует представленный в книге «Хронологический указатель опубликованных трудов В.Я. Гросула» за период 1962–2014 гг., включающий 503 печатные работы (с. 514–537). В сферу научных интересов автора входят политическая, социальная и экономическая история России и стран Балканского полуострова XIX – начала XX в., история международных отношений, церковная и военная история, история культуры.

34 статьи, вошедшие в сборник, расположены по хронологическому принципу. Ряд их посвящён эволюции феодальных отношений в дунайских княжествах. Как показал Гросул, она происходила «под сильнейшим влиянием внешнего фактора», т.е. под воздействием Османской империи, а затем России (с. 58). Вывод исследователя, весьма важный для отечественной балканистики 1960–1970-х гг., заключался в том, что результатом реформ 1826–1834 гг. в Молдавии и Валахии было не «второе издание крепостничества», а смена форм феодальных отношений на более свойственные западному пути развития феодализма (с. 56). Источник доходов боярства, находившийся до реформы в сфере государственных налогов,

переместился в область эксплуатации зависимого крестьянства (с. 16–17, 40, 57). В частности, произошло «сильное возрастание барщины» (с. 48). Кроме того, автор убедительно доказал отсутствие в Молдавии и Валахии личной зависимости крестьян от бояр (с. 17, 40, 48).

Одной из центральных тем сборника является политическая история стран Балканского полуострова. Так, Гросул проводит сравнительный анализ социалистического движения в балканских странах второй половины XIX в. Большое внимание уделяется связям местных социалистов с европейскими и русскими революционерами. Как зарождение социализма на Балканах, так и идейное размежевание в рядах его сторонников автор относит к последней трети XIX в. (с. 64, 70). В другой статье рассматривается влияние российских радикальных мыслителей на идеологию и практику революционного движения на Балканах. Ещё одна работа посвящена актуальному для советской исторической науки вопросу о критериях революционного демократизма. Демократизм в контексте того времени понимался как «отражение интересов большинства населения», а применительно к России и к Балканским странам XIX – начала XX в. – крестьянства (с. 97). В качестве «рабочей гипотезы» автор предлагает следующее определение: «Это революционное движение эпохи перехода от феодализма к капитализму, выражающее интересы широких народных масс, прежде всего крестьянства, а также городской

бедноты, и ставящее цели утопического социализма или абсолютного или относительного равенства» (с. 107–108).

Затрагивая проблему соотношения реформ и революций в истории Балканских стран, Гросул выделяет четыре этапа в решении стоявших перед ними социально-экономических и политических задач: 1) первая треть XIX в.; 2) 1830-е – середина 1850-х гг.; 3) середина 1850-х – 1878 гг.; 4) конец 1870-х – 1890-е гг. Если Османская империя пыталась преодолеть собственную отсталость через реформирование общества «сверху», то для подвластных ей народов революция стала единственной возможностью завоевания национальной независимости и последующего преодоления феодальных порядков (с. 84). Весьма важным для времени появления статьи был вывод о том, что среди массовых движений на Балканах были консервативные и феодальные по своей направленности (с. 85).

Проводя сравнительный анализ политического строя стран Юго-Восточной Европы в XVIII – начале XX в., автор приходит к выводу, что они намного опередили две державы, в течение столетий воевавшие между собой за контроль над полуостровом – Россию и Турцию. Не соответствие же конституций социально-экономическим реалиям молодых государств Юго-Восточной Европы было связано с тем, что их основные законы чаще всего копировались с уже действовавших европейских (с. 282).

Теме взаимосвязи реформ и революций в России, одной из центральных в научном творчестве Гросула, посвящена одна из статей сборника. В ней рассматриваются реформы, проводившиеся в России в XIX в., и затрагивается разработанная автором концепция «экспорта» конституционализма. «Примечательно, – пишет он, – что российский реформизм уже в начале XIX в. вышел за пределы страны и порой играл за рубежом более существенную роль, нежели у себя дома. Основная причина этого заключалась в том, что в борьбе против буржуазного Запада необходимо было пользоваться на международном уровне более эффективным оружием, чем у себя в стране.

Получилось так, что при большем или меньшем участии царского правительства за рубежом было проведено несколько реформ, по своему существу и результатам более радикальных, чем те, которые проводились в самой России» (с. 129).

Первой среди подобных реформ была конституционная, проведённая на Ионических островах в конце XVIII – начале XIX в. Затем Россия стала инициатором аналогичных преобразований в Болгарии, Валахии, Германских государствах, Греции, Краковской республике, Молдавии, Сербии, Франции, Швейцарии. Подобную внешнеполитическую стратегию можно считать парадоксальной, ведь сама Россия была лишена конституции (с. 167).

Обширная статья посвящена Гросулом истокам трёх русских революций. Вывод автора заключается в том, что революция в России была закономерной с точки зрения мирового исторического процесса. Многие европейские страны в XIX в. пережили неоднократные революционные взрывы. Исторической альтернативы, в том числе реформаторской, не было в конце XIX – начале XX в. и у России. Снизить же накал противостояния и разрушительную силу Гражданской войны, полагает Гросул, можно было лишь путём налаживания тесного сотрудничества революционных сил и формирования блока социалистических партий (с. 151). Замечу, однако, что идеология таких партий и движений предполагала достаточно разные представления о будущем России, о стратегии и тактике революционной борьбы. Это стало одним из факторов, обусловивших разрыв, трагическое и жестокое противостояние между различными силами революционного лагеря.

В ряде работ Гросул подсчитывает численность революционных деятелей в Российской империи. Рост их числа с 1 тыс. (1825–1861 гг.) до 25 тыс. (1861–1895 гг.), а затем до 1 млн 200 тыс. человек (к 1917 г.) он рассматривает как характерный признак надвигающейся революции. Привлекая количественные данные, автор также указывает на рост удельного числа представителей национальных меньшинств Российской империи в составе революционного движения с 18,2% на его дворянском этапе (с. 113) к 35,5% в

1860-е гг. (с. 115), 36% в 1870-е гг. и 39,4% в конце XIX – начале XX в. (с. 118).

Нельзя не согласиться с мнением автора, что именно социалистические теории обеспечили русской общественной мысли «первые позиции» в мире, тогда как русские консерваторы почти не оказали влияния на мировой консерватизм. То же самое можно сказать о русском либерализме. «Не случайно в зарубежных сводных трудах по истории либерализма и консерватизма русские мыслители практически не упоминаются, – подчёркивает Гросул. – Другое дело – социализм, где русские – лидеры анархизма, социал-демократии, коммунистического движения – по праву занимают первые позиции» (с. 287). Действительно, среди русских мыслителей, идеи которых получили распространение в мировой политической мысли, можно назвать анархистов (М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин, Л.И. Мечников и даже Л.Н. Толстой как наиболее яркий представитель религиозно-пацифистского анархизма), эсеров (П.А. Сорокин) и марксистов (В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий и И.В. Сталин).

Две из статей сборника посвящены зарождению и развитию политического консерватизма в России XVIII–XIX вв. По мнению Гросула, он был «одним из наиважнейших направлений» русской общественной мысли (с. 230). Автор представил обзор идей первых русских консерваторов начиная с А.П. Сумарокова и М.М. Щербатова, оппозиционных политике Екатерины II церковных деятелей и завершая Н.М. Карамзиным и другими деятелями консервативных кружков времён Александра I. Консерваторы рассматриваются им как наиболее влиятельная политическая сила начала XIX в. Они сумели одержать верх над либеральными деятелями того времени, что во многом определило общественно-политическое развитие России в первой половине XIX в.

Ряд статей посвящён феномену общественного мнения России. В одной из них Гросул анализирует содержание, вкладывавшееся в понятие «общество» в XVIII–XIX вв. Экономической предпосылкой становления нового понимания «общества» в России послужило укрепление помещичьего хозяйства и консолидация

дворянства в XVIII в. Ячейкой общества стала в то время дворянская и купеческая усадьба, а одной из первых форм общественной самостоятельности – дворянские собрания (с. 329). Заслугой общественного мнения в России XVIII–XIX вв. было обсуждение вопроса о государственном устройстве и политических свободах, а также наиболее острых и «вечных» для России вопросов – крестьянского, дворянского, рабочего, студенческого, национального. В контексте противостояния общества и власти Гросул рассматривает и тему взаимоотношений бюрократии и интеллектуалов.

Большое место занимают в сборнике методологические проблемы исторической науки. Автор, в частности, анализирует становление в западноевропейской мысли XIX в. стадийного, а затем и формационного подходов к изучению исторического процесса (от циклических исторических теорий эпохи Средневековья и Возрождения к концепции К. Маркса). Важная статья автора посвящена периодизации всемирной и отечественной истории в работах представителей западноевропейской и отечественной исторической науки XVIII–XX вв. В целом Гросул отстаивает формационный подход и призывает современных исследователей вернуться к выводам советских историков относительно периодизации всемирного исторического процесса. Смена методологических вех в исторической науке в начале 1990-х гг., по его мнению, была обусловлена исключительно идеологическими мотивами. Большинство же трудов по методологии истории, выходявших в 1990–2000-е гг., как он считает, по-прежнему отражают марксистскую методологию.

В книгу вошли также публицистические статьи, связанные с осмыслением политических реалий России 1990–2010-х гг. и, безусловно, имеющие ценность и как исторический источник, раскрывающий проблемы, актуальные для отечественной политической мысли. Являясь сторонником социалистических идей, Гросул рассматривает эту эпоху как четвёртую в истории России, и заведомо неудачную попытку внедрить путём реформ сверху капиталистические отношения (с. 162–

163). Соответственно, наиболее приемлемой для российской политической традиции идеологией автору представляется левая идея (с. 188). Как показывают эти статьи, в конце 1990-х и начале 2000-х гг. автор оптимистично оценивал перспективы роста коммунистического движения в России и странах Ближнего Зарубежья.

В целом же, сборник научных трудов В.Я. Гросула включает фундаментальные труды, позволяющие как историкам-профессионалам, так и широкой читательской аудитории ознакомиться с различными сферами научных интересов исследователя. Без сомнения, к этой книге будет обращаться не одно поколение историков.

Игорь Нарский

Рец. на: F.B. Schenk. Russlands Fahrt in die Moderne. Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. 440 S.*

Igor Narsky

(South Ural State National Research University, Chelyabinsk, Russia)

Rec. ad op.: F.B. Schenk. Russlands Fahrt in die Moderne. Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter. Stuttgart, 2014

Фразу «В России две беды – дураки и дороги» приписывают разным отечественным писателям, государственным и общественным деятелям XIX в.: Николаю I, Н.М. Карамзину, Н.В. Гоголю, М.Е. Салтыкову-Щедрину. Однако во всех случаях национальная культурная память помещает этот апокриф в эпоху, когда российские территория, мобильность, коммуникация и стабильность начали восприниматься как острые проблемы, а в качестве одного из ключевых средств их решения стали рассматривать железнодорожное строительство. Изменениям в сотворении, восприятии и использовании социального пространства страны в связи с созданием железных дорог с 1830-х гг. до Первой мировой войны посвящена новая книга Фритьофа Беньямина Шенка. Профессор восточно-европейской истории Базельского университета известен нашим читателям благодаря его предыдущей книге «Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000)», вышедшей

на русском языке в 2007 г. в московском издательстве «Новое литературное обозрение» (немецкий оригинал опубликован в 2004 г.).

В основе рецензируемой книги – хабилитационный текст (аналог российской докторской диссертации), защищённый автором в 2010 г. в Мюнхенском университете. Историю, изложенную в ней, как считает сам Шенк, можно рассказать по-разному. Например, как поныне распространено в международной историографии, подвести читателей к выводу, что Россия, несмотря на достижения железнодорожного строительства в XIX в., в конечном итоге опоздала на «поезд в современность» и накануне Первой мировой войны в области средств сообщения не достигла рациональности, эффективности и скорости, которые отличали мобильные и «современные» общества Запада.

Но автор рассказал о техническом освоении российских пространств по-другому: «Здесь в центре внимания находится не сравнение российского развития с

* Шенк Ф.Б. Поездка России в модерн. Мобильность и социальное пространство в железнодорожную эпоху. Штутгарт, 2014. 440 с.